

За помощь в издании книги автор благодарит:

Анну Гедымин, Женеьеву Гжибовскую,
Ольгу Дернову, Владимира Козлова,
Константина, Екатерину Мурашову,
Софью Некрасову, Машу Никитину,
Сергея Овсянникова, Анну Переверзину,
evsky

Серия «Искусство»

Александр

Правилов

Бульдог судьбы

Синяя гора

2024 · Москва

УДК 82-193
ББК 83.014.5
П68

Правиков А. А.
П68 Бульдог судьбы / Александр Правиков. — М.: Синяя гора,
2024. — 114 с.
ISBN 978-5-4465-4026-6

УДК 82-193
ББК 83.014.5

Это моя вторая книга. После выхода первой прошло 11 лет — если подумать, большой кусок жизни. Излишне говорить, что за эти годы изменилось многое — и не один раз. Я тоже менялся, поэтому в стихах, собранных в книге, можно найти какие-то противоречия, «но их исправить не хочу». Пожалуй, ни за одно стихотворение, которое сюда попало, мне не стыдно, и это главное.

А. Правиков

Предисловие

Лирическому герою Александра Правикова ужасно завидуешь. Кажется, что ему досталось всё самое лучшее, лучший ракурс Вселенной. А если вдруг что-то идёт не так, тогда он находит для этого лучшее объяснение, если нет объяснения — лучшее решение, если решения просто нет — тогда лучшие из не лучших слов.

Завидовать смиренно перестаём, потому что видим человека с обострённым чувством справедливости. Он как будто пишет о себе, но следит за тем, чтобы всем другим что-то досталось.

Господи мой Боже,
Боже не только мой.

Правиков видит не только ближних, но и дальних. Его оптика часто — спортменская радость жизни, весёлая любовь, маскулинная ирония и спортивная совесть. Считается, что, если у лирического героя совесть не еле-еле душа в теле, это может ограничить его кругозор, лишить его богатства впечатлений. А в случае с Правиковым получилось не так, как считается. И Правиков на месте, и мир на месте — оба ничего не лишённые.

Александр Правиков так интересно обращается с цитатами и интонациями других поэтов, что иногда их слышишь даже там, где их, может быть, и нет. Например, в строчке «а мой лирический герой — из анекдота» слышится мандельштамовское «и всё твоё — от неизбежного». А почему — я и сама не знаю.

Книга «Бульдог судьбы» выстроена очень интересно. Только мы привыкнем к одной нормальности, тут же нам выдают новую нормальность, а за ней ещё одну. Онтологическую нормальность, город-

скую нормальность, мужскую нормальность, и так далее вплоть до нормальности дуралейской.

Современному поэту от напора истории может начать казаться, что хорошо бы человека ни во что не ставить и как-нибудь даже потихоньку свести его на нет, как будто его никогда и не было. В отличие от этого придуманного современного поэта, хорошего или плохого, Александр Правиков человека во что-то ставит, более того, человек так какое-то время стоит и не падает. Картина мира во многих стихотворениях — как двухпалубный корабль или двухэтажная кровать. На верхних ярусах забота, невидимая, большая, на нижнем — всё что угодно, «любая хрень в любой момент».

Выйдешь – вот небо, подоткнутое с боков.
Мир посреди симпатичен и бестолков,
Как волкодав. Не бойся, он так играет.

Лирический герой не расталкивает никого в поисках своего места под солнцем. Скорее, он пытается найти место для Солнца в этом мире и вообще всех непристроенных куда-нибудь пристроить. Даже зло, даже несправедливость как-нибудь пристроить по-человечески. (Неужели всё ещё читаете предисловие? Очень зря. Бегите читать стихи.)

Вы убежали, а мы продолжаем разговор как ни в чём ни бывало. В поэзии принято ждать, что «поумнеют все, кто могут поумнеть». Поумнение — не моя сильная сторона, так что я бы сказала так: сфокусируются на чём-то добром все, кто может сфокусироваться на чём-то добром, посветлеют все, кто может посветлеть, сосредоточатся на главном все, кто приблизительно себе представляет главное. И всем станет чуть спокойнее — неожиданно, незаслуженно, неоправданно спокойнее.

В прогнозе белая пора,
Очей успокоение.

Спокойнее, кстати, потому что нам предложили чуть отставить в сторону мысли о противоречии бытия и подумать о том, как просто вырлиться в то, чтобы стать/остаться хорошим человеком. А рядом дышат правиковская зима и правиковская Москва, которая иногда мне почему-то напоминает домик Хагрида. Драконы, псы, соплохвосты те ещё представители уюта, но Гермиона, Рон и Гарри очень любят Хагрида и всё равно приходят к нему на чай.

Заведомо проигранная битва
И в пустоту прочтённая молитва
И неизвестный никому писатель
И не понявший ничего читатель
И сумерки в Москве средь бела дня,
Люблю вас, потому что мы родня.

Анна Логвинова

Бульдог судьбы

* * *

Если мир похож на большую рану
И один по другому ездит краями,
То какая у этой школы программа
И чему мы учимся в этой яме?

Может быть, тому, что из этой хтони
Улетевший шарик, уплывший мячик
Прилетит назад, в речке не потонет.
Может быть, тому, чтобы ездить мягче.

Отойди от ближнего, и увидишь,
Как сирийский мистик, простое диво:
Эти твари, созданные в любви, ишь
Как они на самом деле красивы.

* * *

И отчего бы я к вечеру так устал?
Вроде не уголь рубал, не варил металл,
Вроде подъезды не мыл, не уколы ставил.
Вроде выходишь с работы — ещё ну так,
А потолкаться в подземке — и просто мрак,
Ваша конечная станция, город Усталлин.
(Если усатый кому-то помстился, не к ночи будь... —
Нет его тут). Блестит леденистый путь,
Светится тускло древесная камасутра.
Пар выпускают разношенные дома.
Всё хорошо. Это правильная зима.
Доковылял до гнезда, угрелся, а там и утро.

Так говорят часы. Когда ни открой
Заспанный глаз, усталость уже горой
Сверху лежит и немного свисает с краю.
Выйдешь — вот небо, подоткнутое с боков.
Мир посреди симпатичен и бестолков,
Как волкодав. Не бойся, он так играет.

* * *

Держи своё спокойствие, держи,
Как бабочку в горстях.
Не спрашивай, по ком звенят стрижи,
Скрежещут и свистят.
Горластая небесная шпана
Кроит и режет синь.
Ни верить, ни бояться не должна
И даже ни просить.
Как весело, наверно, быть стрижом
(Ишь разогнался, ишь...):
Не думаешь, а то ли ты стрижёшь,
О том ли ты свистишь.
В глазах рябит настриженная высь.
Они взвились флажком,
Туда-сюда метнулись, унеслись.
Но всё-таки, по ком?

* * *

Зима заносит, будто извиняясь,
«Все наши глупости и мелкие злодеяства»,
Мол, что могу, конечно, замету.
Мол, как умею, это всё украшу.

Фигак-фигак — и перед нами не барак,
А живописное фламандское.
Конечно, люди умирать не перестанут,
И убивать, и войны затевать
Из-за того, что так белы снега,
Но тут зима не виновата.

Спасибо, милая,
Правда, очень приятно.
В этом году тебе особенно всё удалось.
В этом особенном году.
В очередном особенном.

* * *

(У Слуцкого и Заболоцкого одна и та же дата рождения — 7 мая.)

Набери в Яндексе «День рождения Слуцкого».

Первые строчки выдачи будут такими:

«День рождения слуцкого депутата»,

«День рождения слуцкого леонида»,

«День рождения слуцкого лдпр».

Борис Абрамович скромн и после смерти.

У Заболоцкого в этом смысле нет конкурентов.

Но как же им обоим (я думаю) на это плевать:

На яндекс, лдпр, депутатов и выдачу

С высокого облака.

Представил, как они поплёвывают —

Борис Абрамович сдержанно, солидно.

Николай Алексеевич (розовое лицо,

блестящие очки) —

Торжественно, шутовски, с чувством

Ценности

каждого

момента

вечности.

Баллада о хрени

Когда на улицу выходишь,
То не готовься ни к чему.
Ты можешь, съев невымытый овощ,
Словить понос или чуму.
Пройдя у строящихся зданий,
Ты можешь вляпаться в цемент.
Не надо лишних ожиданий —
Любая хрень в любой момент.

В обычной речи скрыта проза,
В деталях спрятан сатана.
Упасть на лапу может роза
Или на голову — стена.
Всё это выглядит как будто
Абсурд или эксперимент.
Жизнь улыбается, как Будда, —
Любая хрень в любой момент.

Всё плохо, но не в этом дело —
Всё будет хорошо в конце.
Вот ты стоишь такой весь в белом
С любовью к ближнему в лице,
И тут такой подходит ближний,
Допустим, подгулявший мент,
Что настроение — хоть выжми.
Любая хрень в любой момент.

Мой принц, я дома в этой чуши,
Где всё идёт вперекосяк
И не туда. И будет лучше,
Коль всё и дальше будет так.
Ведь я и сам не без помарок,
Я сам кому-то много лет
Непредсказуемый подарок,
Любая хрень в любой момент.

* * *

Теперь так мало греков в Ленинграде...

И. Бродский

Но как же мало в Новгороде Грека!
Заходишь, горбясь, в маленькую церковь
И шуришься, потом глаза находят
То там, то здесь лоскутики, осколки:
Тут локоть, там движение плаща,
Потом глаза поднимешь к барабану
Под самый купол — там-то да, конечно,
Он.
Через охру белый свет.
Не тот, что за дверями в двадцать первом,
А тот, что Палама.

Суровый климат,
Веков суровых твёрдые подошвы
Растушевали яркие цвета,
Затёрли смелые решения, контрасты
И композиционные удачи.
Да всё почти погибло, кроме крох
Упрямой охры и белил. И, в общем,
Осталось главное. Тот свет.
Смотрите.

На бороде у столпника, на шее
У ангела, на корпусе смартфона,
У тётеньки-кассира на очках.

* * *

Конечно, Пушкин не умер — он там, где Джон
И Элвис, и... продолжите список сами.
Словно по Невскому, по небу ходит он,
Раскланиваясь, хохоча, сверкая глазами.

Ну, может, немного умер, но сразу встал,
Как Осип и Николай и другие тоже.
Вечером на пиру все по местам,
Только лишь он один усидеть не может.

То сиганёт через стол, то сбежит в окно
К этим, из Нового Света, послушать песни,
То загрустит, подумав о прошлом, но
Редко, ибо грядущее интересней.

* * *

Князь Пётр стар и, кутаясь в халат,
Пером ведёт неторопливо.
Лакей, наморщенный, как слива,
В библиотеку вносит шоколат.

Князь Пётр пишет лучше с каждым днём.
Дни, как чернила, высыхают.
На окнах ставни, их не отворяют.
За окнами шумит река времён.

На острове живя, почти один,
Он беден силами и вовсе нищ друзьями
Уплывшими, но обезьяне
Из зеркала пока что господин.

Лишь с памятью он может говорить,
Как ранее, изысканно и тонко.
Река стучится в окна.
Он думает — пора и отворить.

* * *

Откуда бы взяться победе добра из битвы бобра и козла? Тот сер, тот коричневый: сказка стара, надежда не то что мала, её просто нет, но мы сделаем вид из гордости, из ничего. Не может быть так, что добро победит, и всё-таки я за него.

* * *

Не то, что мнили мы, реальность,
Не винегрет из новостей,
Ни разу не плевки на дальность,
А в чём-то чеховская степь,
Где безразличное спокойствие
И в небе хищники рябят.
Одни уходят в добровольцы,
Иных уж нет, а те — в себя.
И ты один сидишь в телеге,
Ни лошади, ни ямщика.
Лишь ветра на траву набег
И Достоевская тоска.
Она по кочкам и по лужам
Тебя стремительно несёт,
И в чём-то арзамасский ужас,
Но в чём-то ямб и наше всё.

* * *

Зима суровая, высокая
Стоит по брови в хрустале.
А у Коровина за окнами —
Тепло и розы на столе.

Наливки, чушь и анекдоты,
И пересмешки за спиной,
И небылицы про охоту,
И заяц прыгает ручной...

За разговорами и чаем
Заходит за полночь веселье,
И тут-то гости замечают,
Что Костя грустен и рассеян.

Он говорит — вы все мне кажетесь,
Но продолжайте, я вам очень...
И просыпается, закашливаясь.
В Париже — пасмурная осень.

* * *

Каждый видел в кино такое,
Такой напряжённый момент —
Конец света, пора валить, но друзья ждут героя,
А героя всё нет и нет.

Он бежит со всех ног, но, как нарочно,
Что-то всё время задерживает его по пути —
То надо утешить старушку,
То котёнка спасти.

Стихия бушует, минута — и будет поздно.
Капитан смотрит единственным глазом
сразу на все звёзды

И строго ругается на морском.
Друзья героя, глотая ком,
Шепчут: «Ещё немного,
Он успеет», и он успевает в последний миг.

А вот история не из фильмов и книг.
Постаревший Бог среди горластых и рослых
Детей выглядит вовсе чужим.
Они суетятся, орут, решают вопросы,
То за ложки, то за ножи.

Ангелы шепчут: «Хочешь,
мы сделаем тут прополку?

Всё равно от них никакого толку
И уже терпения нет».
Он смотрит печально и шепчет: «Ещё немного,
Они сумеют...» Звучит как бред,
Но кто я такой, чтобы спорить с Богом.

* * *

Боже мой Боже как это может
Быть что Ты любишь меня
Но не только
А например вон того алкоголика
Или вот этого старого пня
Они же не я
Они же не знают того что я знаю
Ты же не видишь какие они
Нет ну Ты видишь о чём я вообще
Глупо но я же по-честному а не
Древнеславянскими лего-словами
Правда опять на бегу
А может быть я ещё поумнею
Если подумать но я не умею
Если довериться но не могу
В жизни есть смысл
На солнце есть пятна
Мне всё равно ничего не понятно
Как это жить умирать
Халк заболтался и спать

* * *

Мне кажется, самое трудное в христианстве —
Понять, что оно не когда-то, а вот сейчас.
Ты со смешным чудачком только что
за рюмкой ругался,
И ты там, где был, а он — где Корчак и газ.

Старый поэт Авзоний пишет Павлину:
«Ладно рабы, но как ты, образованный человек,
Можешь всерьёз месить иудейскую глину,
Когда поэзию, божественный дар отверг?»

Его адресат, в добровольное рабство продан,
Покидает литературу, как душный класс.
Ксения идёт по камням, Мария — по водам,
И Августин кричит: «Неучи обгоняют нас».

* * *

Ходили два товарища в один и тот приход —
Петров и Павлов.
Петров женился сразу же, а Павлов через год —
А как иначе.
Спасались, как положено — молитвой и постом
(благоприятным).
Петров читал Кураева, а Павлов «Русский дом»,
И оба «Лествицу».
Конечно, часто спорили с цитатами отец,
Но не до крови.
Потом Петров из города уехал — речка, лес,
Община, «Домострой».
Короче, потерялись как-то — к чёрту на рога
Не наездишься.
Потом ещё полжизни пролетело и ага:
Столкнулись на остановке.
Ого, Гамалиилов питомец, сколько лет...
Что скажешь?
Слетал на третье небо, узрел нетварный свет?
Как дети?
Здорово, брат мой рыбарь, а где твои ключи?
Смешно, ага.
Две жёлтые, усталые, сутулые свечи,
Петров и Павлов.

* * *

Дайте море Мандельштаму,
Пастернаку — огород.
Кто умеет, телеграмму
Дайте Богу — пусть придёт.

У кого записан адрес,
Кто припомнит дважды два,
У кого ещё остались
Настоящие слова.

Видно, их осталось мало,
Видно, нету никого,
Видно, новые каналы
Не доходят до Него.

* * *

Я не знаю, кто Ты и где Ты.
Как ума-то хватило решить,
Что уже нашёл все ответы
И теперь надо с ними жить?

Человек себя гнёт об коленку,
Если он не совсем мудака.
Ощущает себя изоляцией,
Пригорающей на проводах.

Ощущает себя поленом,
Ощущает себя полком.
В чём-то пленником, в чём-то пленом,
А сильнее всего — дураком.

Человек отпускает вожжи
И мартышкина жаль труда.
Бога нет, Он придёт попозже,
Но никто не знает когда.

Вроде вот Он в зелёных листьях,
В перекрестье осенних веток,
В шуме ветра, в болезни близких
(Вроде да, а вроде и нет).

Дышит временем, пишет светом
По бездонной тьме, никогда
Не даёт прямого ответа
(Может, нет, а может, и да).

* * *

Что если воздух наш — не воздух,
А плодородная земля,
И мы здесь брошены не просто
Так, а проращиванья для?
Для пребывания в чёрной гуще
Ночной и в белой гуще дня,
Чтоб распуститься после пуще,
Укоренившись и взойдя.
Не потому ли нам так тесно,
Темно и муторно порой?
А как должно быть, интересно,
Зерну, схоронену в сырой...

* * *

Для этих я трусливый пацифист,
Для тех рашист, который безнадежен.
Но райский запах лип, но птичий свист
Опять на удивление возможен.

Историю не прошибают лбом,
Историю нельзя спаять любовью.
Когда стоишь под ядерным грибом,
Уже нелепо думать о здоровье:

Курю. Так глупо, что проходит жизнь,
А молодость так просто пролетает
На велике... дурак, за руль держись!
Но он меня за гуру не считает.

И я ему не гуру ни хрена,
Мы просто с ним на общей части света
Несёмся в тьму в дурные времена,
Как делали любимые поэты.

Что это было, Господи? Ответ
Придёт потом и будет не словами.
И я пойму всё верно (или нет)
И встречусь с вами (или же не с вами).

* * *

Практически в каждой сваре
Мои — с обеих сторон.
Так что любая свадьба —
С привкусом похорон.

Так что любая правда
С одной стороны черна,
Как у носящего Прада —
Каждая сторона.

Служат молебны, Боже,
Как Ты поможешь им?
Все победы похожи
На стрельбу по своим.

Все победы похожи
На со слезами домой,
Господи мой Боже,
Боже не только мой.

* * *

Повторяй себе чаще, что это Содом —
То, откуда ты выехал с жутким трудом
(Тощий скарб, обгорели оглобли).
Повторяй себе чаще, что там ни черта
Не осталось хорошего, лишь пустота,
Только пепел, рабы или зомби.

Повторяй себе чаще, мол, все, кто ушёл, —
Трусы-хипстеры, смылись, ну и хорошо,
Никогда они не были наши.
Пусть узнают, почём там буржуйский зергут,
И ещё пожалеют, ещё прибегут,
Ну а мы их, конечно, к параше.

Повторяй эту чушь по утрам, перед сном,
Перед близкими, перед открытым окном,
До упора считай себя правым,
До песка на зубах, до последнего дня,
Но когда он придёт — посмотри на меня —
Домолчаться попробуй до правды.

Эта ненависть к «ним», она тем и сильна,
Что не правда, а выбранная сторона.
Что ж, она помогает не съехать
До поры, но потом наступает пора,
И с реальности падает маска добра,
Низ меняется с верхом.

Да удастся тогда нам увидеть как есть
Эту кашу: злость, зависть и милость, и месть,
Все её горемычные зёрна.
Всё уже позади, всё уже впереди,
Нет ни «мы», ни «они», ты один на один
С ослепительно белым и чёрным.

* * *

Когда твои братья друг друга умело,
Не пропуская ни дня,
Ты, спросит голос, где был и что делал?
Я тоже был тут — на не очень-то белом,
Где ты посадил меня.
Если не мне дверь ломали и крышу
Ночью не мне прожгли,
Я всё же тоже из этой вышел
Серой, как снег, земли,
В небо такого же точно цвета
Кутаясь, как в шинель.
Есть где-то кнопка, чтоб выключить это?
Ты не ответишь мне.

* * *

1

Тут какой-то фокус, какой-то подвох:
Родился, как Лунтик, чирик-чирик,
Скачешь тудой и суюдой.

Потом ты просто делаешь вдох,
И одна из дочек тебе говорит:
«Нифига себе ты седой!»

2

Относительно времени и пространства —
Относительны и то, и другое.
Если как следует постараться,
На острие уместятся шестеро, а не двое.

Семья — это так: начинаешь считать
сразу с двух, потом прибавляешь по одному.
А дальше что, опять отнимать?
Эй, мироздание, твою мать,
Я тебе отниму!

3

Как первый зуб у младенца радовал,
Так у взрослеющих — крохи
младенчества.

Какими маленькими вдруг снова,
Когда, например, провожаешь,
Становятся —

И рот открыт, и глаза большие...
И смех, и всё-таки снова себя
почувствовать

Как настоящим, большим,
Взрослым, надёжным отцом —
Приятно же.

4

Чашками кофе или приступами мигрени
Мерить отпущенное нам время,
Пока мы не станем дед и бабка,
Пока кое-что не повиснет, как тряпка?

Перелётами и переездами,
Реестрами воспоминаний
Всего лестного и нелестного,
Происходившего с нами?

Вместо того, чтобы вширь и в длину
Отмеривать наши с тобой года.
Я лучше бы их растянул
Наподольше. Ведь да?

* * *

Нет никаких счастливых концов.
Нет вообще концов.
Дети становятся хуже отцов
Или лучше отцов

И вырастают отдельными
Сами себе людьми,
И сами уже обрастают детьми.
Как так? Поди пойми.

Потом превращаются в стариков,
А ты уже был таков —
Смотришь ласково с облачков
На бородатых внучков.

Я говорю с середины одной
Страницы одной из книг
В библиотеке величиной
С мир. С миллионы их.

* * *

Мне снилось много раз — ты вернулся.
Не умер, мол, случилась ошибка.
Потом то ли смешно, то ли грустно —
Фантастика дурного пошиба.

Но как бы сердце вправду хотело...
Оно-то голове и диктует.
Насквозь уже проедена тема,
И всё же чем-то истинным дует —

Поверх, поверх забвенья и смерти,
Поверх, поверх старенья и боли.
Я подставляю руку под ветер.
Когда (и если) мы друг друга там встретим,
Другой узнает там одного ли.

* * *

Весёлым идиотам не до секса,
Им надо слишком многое успеть.
Над их державой не заходит солнце,
Поэтому они не могут спать.
Они теряют волосы и деньги,
Планируют поехать далеко,
Они боятся важности, как дети,
И вырастают в прочных стариков.
Какая-то на них налипла корка,
Какая-то защитная среда.
— Устали идиотничать? — Нисколько!
Какие наши, в общем-то, года.

* * *

К чему говорить о серьёзном?
Ответы известны давно.
Давай, микрокосм с микрокосмом,
С тобою посмотрим кино.
Пусть там добро в камуфляже
Размажет вселенское зло.
Никто никому ничего не докажет
Умением или числом.
Мир так уж устроен, что нечем
Другому другого понять,
Но можно друг друга за плечи
Или не за плечи обнять.

* * *

Тут война, а тут красиво. Это снег, а это смерть.
Эх, неведомая сила, как ты всё перемесила,
это ж надо так суметь.

Много в мире кой-чего, как писал ещё Гораций:
Вот последнее горит, вот любовь под фонарём.
Будем плакать и любить, обниматься и ругаться,
А в конце мы все умрём, а в конце мы все умрём.

Интересные стихи, перспективная работа.
Многочадие весьма поощряется царём.
Наша жизнь и наша смерть — это вкусно для кого-то,
И поэтому все мы обязательно умрём.

Я завариваю чай, потому что это нужно,
Улыбаюсь по утрам, потому что я отец.
Жертвы вместе с палачом по утрам идут на службу.
Поскорее бы уже ожидаемый конец.

Сколько время, командир? То есть сторож,
сколько ночи?
Как люблю я это всё, как простить и как понять,
Что всё видимое мне так красиво и непрочное.
Я надеюсь, что потом мы увидимся опять.

С вами, серые снега, с вами, праздничные лужи.
Ни один на свете стих не сравняется с котом
Или веткой. Может быть, я потом смогу не хуже?
Я надеюсь на потом, я надеюсь на потом.

* * *

Хочу быть китайцем в китайском квартале,
Чтоб новости мимо меня пролетали:
Политика? Выборы? Я здесь чужой,
И местные ходят ко мне за лапшой.

Хочу быть в России киргизом, узбеком,
Совсем незнакомым смешным человеком:
Я знаю работу и временный дом,
А местный язык понимаю с трудом.

Вот справка, начальник, я мимо иду
И тихо пою: «Кергуду, кергуду».

Я остров, а вы все вокруг — это море.
Я даже сочувствую вашему горю,
Но в целом всё это морские дела,
А я-то ведь остров, на мне три ствола

И стадо мартышек. Неплохо быть птицей
И летом быть тут, а зимой — за границей,
И лучше бы на континенте другом,
Скворцом просвистеть и заесть пирогом.

Прекрасная «бы», ты мне нравишься, правда.
Ты классно одета, наверное, Прада,
И много умеешь того и сего.
У нас бы не вышло с тобой ничего.

Позорно бежать от судьбы, да и поздно —
И волны внидоша, и выкачан воздух.
Варяг не сдаётся: «непра... я не ве...»
И гордо по внутренней катит Неве.

* * *

мне под руку не говорите
не пробуйте меня отвлечь
я проглочу Москву и Питер
и слух и зрение и речь

любовь морковь и за границу
дожди дороги и котят
и все ответственные лица
люблю когда они хрустят

я съем все эти ёлки палки
старух, детей и воробьих
аэропорты бизнес-парки
с амбициозным фаршем их

сначала я сожру всё это
потом добавки попрошу
но не совета вот советы
себе оставьте и лапшу

сей мир был сделан очень вкусным
теперь-то он давно несвеж
но из почтения к искусству
я съем его и ты поешь

* * *

Как блестяще доказал эксперимент,
Который над нами поставила эпоха,
Стихами стрелять нельзя.
То есть можно, но получается плохо.

Ещё стихами нельзя накормить,
согреть, защитить от пули, бомбы, болезни.
Видимо, тут нужно
Что-то искусственное и железней.

Любить и ненавидеть — это да.
А вот убить, родить или разбить окно
(простите, Даниил Иванович) — невозможно.
Хочешь сделать поступок — и ступаешь в говно.

С другой стороны, какая разница, что принимать,
Когда реальность не лечится.
«Дуб — дерево, смерть неизбежна,
Россия — наше отечество».

Песня о полной жопе

Это не галлюцинация
И не воздушный парад —
Полная жопа над городом встала
и в ней отразился закат.

Не выходите на улицу,
Не контактируйте с ней!
Полная жопа, когда с нею споришь,
становится только полней.

Жопа легко левитирует,
Ходит без помощи ног.
Жопа легко имитирует самый возвышенный слог.

Рубит во внешней политике,
Видит без помощи глаз,
Видит повсюду врагов и считает
в этом виновными нас.

Жопа становится будущим,
Прошлым становится тоже.
Всё, что нам было дорого с детства,
стало на жопу похоже.

Жопу нельзя игнорировать
И на неё не насрать —
Тут она профи, её в этом деле
смертному не перегнать.

Вот отчего эта паника
И неприятные сны,
Вот почему в этом мае не радуют
даже красоты весны.

Жопа, и что тут поделаешь?
Может быть, только одно
(два): называть жопу жопой
и не называть мармеладом говно.

* * *

Приглашает мальчик
Девочку в кино —
Не подозревает,
Что она — «Оно».

Скоро свет погаснет,
Затрещит попкорн.
Ахнет семиклассник
И пойдёт на корм.

Пусть киногерои
Отвлекают зал —
Девочка раскроет
Свой потенциал

И взамен искусства,
Турусов и колёс,
Всем подарит чувство
Гибели всерьёз.

Новый Арион

Нас было много в теремке —
Одни из нас дрова кололи,
Другие огород пололи,
А третьи пели брекеке.
Четвёртые ложились поздно —
Они то вместе, то порозно
Искали истину в вине,
А я продышивал вовне
Проталину в стекле морозном.
Вдруг, сами знаете... амок,
Балрог, февраль и русский бог,
И где лягушки, зайцы, волки?
Лишь я, таинственный болтун,
Сижу и пялюсь в темноту
Через оконные осколки.

* * *

Зима такая, какой ещё не было.
Тут нечему радоваться, но
Я прожил долго под этим небом,
В этом году похожим на дно,
И помню, что это не дно, а бездна,
Полная звёзд и полная глаз,
Что смерть земна и что жизнь небесна,
Хотя не могу доказать сейчас.
Не дети мы страшных лет России,
Увы, а взрослые этих лет.
Я рад, что меня и вас не спросили,
Когда включить и выключить свет.

* * *

Свой садик на хребте дракона
Растить возможно иногда.
Хоть и немного незаконно,
Когда вокруг всему балда,
Когда окно дрожит, как спичка,
От скрипа варварских телег.
Насыплешь семечек синичкам —
И ты хороший человек.

* * *

И вот с тебя сдирают плёнку,
Вонзают нож тебе в мошонку,
А у тебя почти нет крови.
Ты раньше был довольно туп.
А думал, что венец природы,
Птенец возвышенной породы.
Нет, парень, ты цыплёнок-бройлер,
С тобою сварят вкусный суп.

На свете есть такие люди —
Их ваши ноги, ваши груди
И ваша, извините, гузка,
Интересуют как белок.
Но куры верят — всё недаром,
Они уходят в небо паром,
От кулинарного Прокруста
Спасает их куриный бог.

Их вера, может быть, убога,
Но не просите слишком много
У тех, кто даже не на ферме
Родился, тех, кто головы
Лишён в процессе обработки,
У тех, чья жизнь была короткой,
И даже жизнью-то, наверно,
Не назовёшь её, увы.

Поэтому летите, куры
И петухи, летите, дуры
И дураки без прав и мозга!
Воображаемый полёт
Никто остановить не может.
Не то что с вами мы похожи,
Но то, что паром быть так просто,
Надежду тоже нам даёт.

* * *

Креативный умирайтер
Бродит в сумрачном лесу,
Видит месяц над горами,
Видит волка и лису.

Он гулял по краю света,
По прекраснейшим местам,
Видел то и видел это,
Умирать не перестал.

Он был праведным почти что,
Мотивированным был,
Он читал такие книжки,
Что названия забыл.

Даже с музами общался,
Даже целую тетрадь
Перепачкал, постарался,
Продолжая умирать.

А теперь в каком-то вроде
Перелеске сел на пенё
И сидит, и не выходит,
Ибо некуда и лень.

Если напрочь заблудился
И не то чтобы с пути
Предначертанного сбился,
А скорее усомнился
В том, что есть куда идти, —

Не спасает умный компас,
Джипиэс и вся фигня,
Но зато (такая тонкость)
Выручает болтовня.

Так скажите, жук и слизень,
Расскажи мне ты, медведь,
Что такое смысла жизнь,
Что такое умереть.

Выручай, сестра кукушка,
Подпевайте, комары,
Я посеял потому что
Где-то правила игры.

* * *

Сантехники с никами Саша и Дима
Сказали: ну разве у вас это трос?
И вытащили всё, что необходимо,
Из чемодана, и сняли вопрос.
Сантехники, носящие псевдонимы,
Поскольку их правильные имена
Запоминаемы / произносимы
С трудом в эта северная страна:
Допустим, Санджар, предположим, Дилшод.
И что? Ничего. Я не против, ни за них.
Я тоже пришлец в Подмоскowie и странник.
Вот разве что трос не настолько большой.

* * *

Вот сыр, а вот рецина,
Вот хлеба каравай.
Сурово и невинно
Обнимемся давай.
Закусим чем придётся
Античное вино.
Всё вечности пожрётся
Без всяких «бы» и «но».
Бессильны все аптеки,
Все лиры и трубы.
Обнимемся как греки
Перед лицом судьбы, —
Сказал Гомер Улиссу
У врат иной страны
(Я знаю, Дант ошибся
И оба спасены).

* * *

Она расстёгивает пальто,
Бросает на землю билет.
Она, может, мечтала сделать это
Сто миллионов лет.

И бороздит в пальто нараспашку
По самой глубокой из луж.
Как муж бы сказал, сорвало башку,
Когда у неё был муж.

Раньше, когда поперёк шоссе
Кто-то на красный свет,
Она думала: «Ну совсем
Стыда у кого-то нет».

Теперь она идёт по газону,
Допоздна не ложится спать.
У неё на это такие резоны,
Что лучше вам их не знать.

Патерсон

1

У каждого поэта
В самой глубине
В сердце огромных территорий
По которым бегают одичавшие лайки
Есть маленький городок
А на его окраине скромный дом без особых примет
А в самой глубине дома
В продавленном кресле
Ждёт своего часа
Бульдог судьбы

2

С утра я вышел из дома в девять,
А к ночи уже другой век, что делать.
Вчера я был молодой поэт,
Сегодня младшенькой девять лет.

Ко мне прибился бульдог судьбы,
И он не знает слов «если» и «бы»...
Утиль Уленшпигель, ты всё проспал.
Уильям Карлос Уильямс, Карл!

* * *

Вот выйдет новый фильм Уэса Андерсона,
Вот настанет лето
Или, наоборот, зима.
Глупо жить будущим, но, в конце концов, это —
Небольшая цена,
Чтобы удержаться в рамках ума.

Когда в мониторе такие пейзажи,
Когда купил себе лыжи,
А вместо снега вода,
Глупо надеяться выжить
Без глупостей. А без обнимашек —
Вообще никуда.

* * *

Вы не вдумывайтесь лучше
В то, что я сейчас несу —
Мы компания заблудших
В утомительном лесу.

Волки воют, ветки машут
И давно потерян путь.
Чтобы не было так страшно,
Расскажу вам что-нибудь.

Скажем так, одна девица
Тихо за морем жила.
Глядь, навстречу ей синица
За водой поутру шла.

Нелогичны и бессвязны
В мутной месяца игре
Самопальные рассказы,
Чтобы шло быстрее вре...

Это что же, мы заснули?
Кто-то тычет пистолет,
Говорит: «Вставайте, хули».
Не Вергилий, точно нет.

* * *

Редактор, помни твёрдо — всё пройдёт.
И этот, вызывающий зевоту
Неудобоваримый перевод
Бредового годового отчёта.
Ты победишь и не сойдёшь с ума.
Пойдёшь гулять, смотреть на парходик —
Какие твои годы... Да весьма
Немалые, ведь и они проходят.
Смотри, потёртый «Александр Блок»,
Навстречу же ему «Денис Давыдов».
Поэзия не тонет. Вот и ок.
Вдох-выдох, левой-правой, вдох и выдох.

* * *

Памяти Г. Елина

Здесь пропадают незаметно:
Была среда или четверг,
Немного изменилась лента,
А это умер человек.

И думаешь: какая жалость,
Что ни в Фейсбуке, ни в ЖЖ
Так толком и не пообщались,
А поздно, поздно, всё уже.

Мы словно говорим с богами.
Они, мол, лёгкие, как газ,
На лайках могут жить годами...
А боги так же видят нас.

* * *

У короля было три сына:
Секс, Драгз и Рок-н-ролл.
Ни один не дожил до старости.
До сих пор историки спорят,
Кто из них кого убил.
Правда, один старик уверяет,
Что он выживший сын короля,
Сбежавший от ведьмы времени,
Обманувший злодея шоу-бизнеса.
Но ему никто не верит:
Где твои туфли на манной каше, дедуля?
А кожаные штаны из мертворождённого пони?

* * *

На моём балконе, на балконном окне
Просто дикие джунгли. Ну нет, но почти.
Гелиотроп зацветает, а лаванда нет.
И розмарин отказывается цвести.

Но мой любимый герой — тимьян
(Так он себя зовёт, а сам чабрец чабрецом),
Лохматый кривой приземистый хулиган,
Крепкий духом и никакой лицом.

Дальше тут по логике пара строк
Типа, всякая плоть как трава,
Какой-никакой философский итог...
А вот хрена с два.

Просто мне нравится, как эти цветы у нас
Проживают свои зелёные дни,
Не видят меня в упор и радуют нюх и глаз,
Не ведая про меня и думая, что одни.

* * *

Заведомо проигранная битва,
И в пустоту прочтённая молитва,
И неизвестный никому писатель,
И не понявший ничего читатель,
И сумерки в Москве средь бела дня,
Люблю вас, потому что мы родня.

А вы, победоносные бои
Добра со злом, и вы, мои,
Но обо мне не знающие, люди,
И сбывшаяся вдруг мольба о чуде,
И дальних стран причудливые пятна —
Вы вряд ли есть, но мысль о вас приятна.

* * *

Миллиарды последних людей на земле,
Оглянитесь прощально — вот чай на столе.
Он остынет без вас и засохнет,
А сирень отцветёт и заглохнет.

Это было у Бредбери, и у кого
Только не было это — считай, с самого
Патриарха почтенного Ноя.
А теперь вот с тобой и со мною.

Необычное чувство — быть первым с конца.
Я как будто примерил рубаху отца —
До колен доходила когда-то,
А теперь вот уже тесновата.

Очень просто кончается мир или Рим
И уходит эпоха — с дыханьем моим,
С прекращеньем диастол и систол,
И считайте меня солипсистом.

Ну и ладно, но после конца, после тьмы
Пусть не только друг с другом увидимся мы
В небывалом неслыханном новом —
С золотистым просветом кленовым,

С горьким запахом липы, с закатным огнём,
С майским днем и с дождливым ноябрьским днём,
И с той белой луной, что, бывало,
В чёрном небе огромно вставала.

* * *

1

В ту зиму ожидался снег.
И так давно он ожидался,
Как будто медленно рождался
И подрастал, как человек.

Когда же он пошёл, то мне
На пять минут, но показалось,
Что мировое зло ужалось
До малой трещинки в стене.

Всё белое, как небеса.
Всё небеса, и мы летаем.
А голоса в отделе тайн
Переговариваются.

2

В то лето был повсюду мор,
И так наслаивались числа
Потерь, как будто бы случился
В небесном войске недобор,

И вот берут уже не в срок,
Кто недорос и не обучен
(Надеюсь, тот, кто их по тучам
Там строит, к ним не очень строг).

* * *

Приунуть по серьёзным причинам,
А потом безо всяких на то
Оснований в спокойствии чинном
Опуститься на дно, как Кусто.

Здесь на мартовском солнечном дне я
Полюбуюсь подводной травой.
Нынче шторм, раскачало сильнее
Океан над моей головой.

А досюда докатится разве
Отдалённый бессмысленный гул
Да на голову мне (безобразие!)
Упадёт, если кто потонул.

Ну привет! Отряхнись, успокойся.
Посмотри-ка на рыб — хороши?
Нет, конечно, не умер, не бойся.
Это раньше ты думал, что жил.

* * *

Чем думать о вечном или настоящем,
Я лучше придумаю вам о синицах.
Синицы купаются в жёлтом, кипящем,
Листают берёзовые страницы —
Наверное, хочется впрок начитаться,
А то библиотеке скоро сугроб,
Наверное, хочется впрок закупаться,
На долгую зиму хватило бы чтоб.
Антропоморфизм? Ну а что тут такого,
И греки, я думаю, им согрешали,
Когда со звериным и божьим мешали
Своё, человеческое, дураково.
Люблю вас, синицы, а что ваши свисты
Невнятны, оно и с двуногими так.
Трусливы, красивы, остры, голосисты —
Посвищем ещё и подразним собак.

* * *

Тихой Балтики дождь
Языком шелестящим нашёптан.
И надежда на всё ж
Вылетает на велике жёлтом
Из-за мокрых кустов,
Поднимается выше и выше
И летит вдоль мостов,
Где крикливые чайки и крыши,
Где дома и дымы.
Как положено людям,
В наших инсулах мы
Будем помнить, а после забудем,
Как звучит благодать —
Запах роз, налетающий с моря,
Как не могут устать
Губы ангелов в каменном хоре
И как августа-кесаря серп,
Набирая разгон с каждым метром,
По белёсой косе
Малосольным уносится ветром.

Массандровские куплеты

это вино полагается пить только так
задом к набережной с её порномузыкой
с ТОК «Судак»
стоя ну сидя на пирсе глазами туда
где хотя это не видно сходятся твердь и вода
там в другой жизни мне в почту приходит спам
помогите китам увеличьте пенис но я не там
минимум до среды я навеки здесь
и кажется всё не так плохо как оно есть

* * *

Чем пахнут тополя? Прорывом
Суконной скуки новостей,
Освобождением счастливым
Учёбой мучимых детей,
Свободой от... Свободой. Точка.
Не поддающейся глазам
И набухающей, как почка.
Нет, я конечно, знаю сам —
Через мужчин и женщин вечное
Быть тоже видимым должно.
Но с тополями как-то легче
И в них отчётливей оно.

* * *

Мой папа до холодов купался в Строгинской пойме,
Иногда приносил кораблики,

упущенные ротозеями.

Я с ним — редко, но до сих пор ещё помню,
Как под босой ногой хрустит поседевшая зелень.

Мы её не называли поймой, по-моему,
А как называли, теперь уж не вспомню, вестимо.
Да и пустяк это в свете того,

что стало с нами обоими —

Разное, но одинаково необратимое.

В свете компа перед сном в темноту двора
Распахиваешь окно и внезапно вдыхаешь детство.
Холодная горечь, тёмная и сырая.
Ничего не видать. Глядеть и не наглядеться.

* * *

Папа и мама. Советское детство.
Сложность науки проснуться-одеться
В восьмидесятом году.
Радио, холод синих потёмок.
Я и теперь всё тот же ребёнок,
Но больше меня не ведут.

Вечер ли? Утро? Восемь ли? Девять?
Всю работу не переделать,
Завтра не мудреней
Сегодня — такая же млечность,
Мутная тёмная бесконечность,
Дети, бредущие в ней.

* * *

Что ли приплыли? Идёт по кисельному берегу
Вовсе не дева обида, а тётка истерика.
Ладно бы рыбу ловила — пугает лягух.

Сколько фанатов у радио «Нервы ФМ», блин.
Как бы его прикрутить или нафиг совсем, блин?
Видно, никак. Но спасёт избирательный слух

И в огороде картошка, а в доме двустволка —
Вот вам основа стабильности личного толка
Вместо триады, которую выдумал граф.

Правила жизни в прекрасной и непредсказуемой —
Не останавливать, но сторониться безумия.
Кто перед смертью спокойно дышал, тот и прав.

* * *

Я прочитал сегодня много разного,
И знаешь, там ни слова о любви.
Давай-ка лучше глупости показывать:
Ты мне свои, а я тебе свои.
Смотри, вот сели голуби хохлатые,
А вот идут прохожие поддатые.
Вот облако, а вот конец зимы.
Вот старичок в обнимку со старушкой
Идут и улыбаются друг с дружкой —
Как мы, как будущие мы.
Закат сегодня был — как бы по красному
Проехал кто на розовом коне.
Вот все мои сокровища. Показывай
Теперь ты мне!

* * *

Ползёт паучок из коробки с брусникой
По серой клеёнке, суровой и дикой.
Ползёт, наготове держа паутинку.
Он из лесу вышел, ему всё в новинку:
Батон-Эверест, загогулина-ложка.
Ему любопытно и страшно немножко.
Я тоже из лесу попал в понедельник —
Пора выходить зарабатывать денег.
Мне тоже всё кажется странным с отвычки —
Резина автобуса, хвост электрички.
И лица прохожих суровы и дики,
Но небо над крышами — цвета брусники.

* * *

Если даже ты случайно
Смысл жизни потерял,
Помни, это не реально,
Это просто сериал.
Если ты устал рубиться
Со злодеями уже,
Помни, это сценаристы
Нагнетают напряже...
Зомби брякают костями,
Наркоманы жрут стекло,
Криптоинопланетяне
Улыбаются тепло.
Ты бежишь по бездорожью,
Ни хранища не видать...
Сценаристы, надо всё же
Вкус и меру соблюдать.

* * *

там жёлтого чего-то
нападало опять
прости меня, работа,
но я пойду гулять

пойду не торопиться
месить глазами грязь
дедлайнам в рукилица
загадочно смеясь

пускай меня сгребает
пускай кладёт в мешки
знакомый гастарбайтер
салам братан якши

1 сентября

А что, и первого жить можно,
Ещё и в шесть не так темно.
Выглядываешь осторожно
В ещё не чёрное окно —

Там жизнь как будто новая
Идёт за ручку — не моя,
Зато над ней каштаны, клёны
Сильны, уверенны, зелёны.

Они про зиму знать не знают,
А мы рассказывать не будем.
Что с ними будет? То, что с нами.
Они уже почти как люди.

* * *

С каждым утром всё внезапнее
Наступает семь утра.
Одеваются на западе,
Ложка чайная у рта
На востоке дома. Зимнее
Утро тут уже как тут.
Нас обмакивают в синее
И по белому ведут.
Сколько нас, куда нас выгнали
Путаться в пуховиках?
Кто за нами за день выбелит
Эту грязь в черновиках?
Сотоварищи по дальнему
Путешествию без виз,
Кольцевое, радиальное
Братство вытолканных из.

* * *

А если жизнь — огромный лес,
То человек — опёнок Бога.
Там листья сыплются с древес,
Тут раздвояется дорога,
А ты стоишь себе в кустах,
Незамечаемый до срока,
В истории по самый пах.

Спрессован лиственный дневник
И ёлки сизые набрякли,
Дубы воды набрали в рот.
Такая осень, что грибник
Сюда наведается вряд ли.
Хотя они такой народ,
Что может и наоборот.

Какая разница? Я здесь
Не ради них. Я тут, поскольку
Я сам, по сути, лес и есть.
Я должен разлагаться стойко,
Не быть ни зверем, ни травой,
А быть грибом. Грибом и только.
Грибом с замшелой головой.

Как хорошо в глуши торчать
В хорошем смысле переносном,
А не в плохом, не замечать,
Хотя б они и перед носом,
Противоречий бытия.
И с видом глупым, но серьёзным
Мечтать, что отдохну и я.

* * *

1

В слова играет голова,
И что я с ней поделаю?
А вот что: пёстрые слова
Пойду менять на белые.

Возьмите эту болтовню
И вместе с нею ту,
А мне отдайте слово-ню,
Простую наготу.

Я с ним во рту пойду домой
По улице пустой,
Как будто бы немой — немой
Счастливой немотой.

Мой белый камешек меня
Поднимет и со дна,
Когда во двор придёт она...
Ну знаете, она.

2

Доносит ветер со двора
Щемящий запах тления.
В прогнозе белая пора,
Очей успокоение.

Пестро в глазах, рябит в уме,
То жёлтое, то красное...
Пора готовиться к зиме
Расчётливо, запасливо.

Не тратить слов, а запасать,
Не торопиться их сказать.
Закручивать, настаивать,
В лабаз на полки ставить.

Потом в холодный день с утра
Достанем штопора,
На стол поставим свой запас
И вычитаем враз.

* * *

Когда меня со света белого,
Как будто бы с икейской полки,
Окоченелые берут
Чужие пальцы.

Где жало, но не в этом дело.
Так много раз кричали «волки»,
Что, право, весь я не умру,
Как ни пытайся.

Так часть меня, притом немалая,
Не парится на тему тленья,
А занимается физрой,
Читает что-то.

А остальное я усталое
Всё гнёт своё стихотворенье,
А мой лирический герой —
Из анекдота.

* * *

В окнах и на улицах горит
Жар не согревающий осенний.
Запах увяданья говорит
О нерассуждающем веселье.

Весело, не знаю почему.
Руки, искривлённые, как ветки,
Тянет клён, я тоже подниму —
Как отличник, жаждущий отметки.

Клён, как ярко-жёлтый твёрдый знак,
Врезан в синеву. А ну, попробуй
Нарисуй — получится не так.
Жизнь ещё таинственна, ещё бы.

Красота, сводящая с ума.
Нам ли горевать, на самом деле.
Дерево, что нам с тобой зима,
Эти все метели мы вертели

Каждый год, и можем свысока
Думать (ты-то с твоим ростом точно):
Всё пройдёт, что было на века,
Выживет, что кажется непрочным.

* * *

Во время дождичка в четверг
Погода чувствует смущение,
Как близорукий человек,
Входя в любое помещение.

Он горячится невпопад
И наговаривает лишнего,
Он вносит сырость и разлад
Туда, где чисто и надышано.

Но хороша и эта взвесь,
Полдневных сумерек сияние.
Останься с нами, плащ повесь.
Мы включим свет и обаяние.

* * *

Когда с утра на тротуарах
Кленовой лавы завались,
В ушах играет Хинди Зара
What love is.
Love is, я думаю, вот это:
Синеет иней на траве,
С прибитых заморозком веток
Такое льёт и столько света,
Что дайте две.
И лужи, наконец, застыли
На радость школьникам и их
Скользящим не в автомобиле,
А на двоих
Родителям. Восславим жженье
Морозов первых голубиных,
И клёнов листьяизвержение,
И дворников мартышкин труд
Во неисследимых глубинах
Осенних руд.

* * *

Замкадные мышки-норушки
Ещё с темноты заняты:
Продышишь окошко наружу,
А там уже чьи-то следы.

Ледок под ногами майора,
Ведущего в школу дитя,
Стал серый уже, а не чёрный.
Потягивается, блестя.

* * *

Когда по улице впотьмах
Зима слоняется в халате,
То люди светятся в домах,
Как говорит Капович Катя.

Зима на улице стоит
И смотрит в окна, а за ними,
За этим, скажем, — индивид
Под абажуром, как бы в нимбе.

А на соседнем этаже
Идёт история другая...
Снежинки мечутся, не зная,
Где интереснее сюжет:

Рванутся к этому, к тому...
Но не объять умом и глазом,
Как жизнь лицами во тьму
Идёт по всем каналам сразу.

* * *

Кот март линяет на глазах — был как бы белым,
Стал безупречно, абсолютно грязен.
Бока свалялись... что он ночью делал?
Наверняка не спал, а безобразил.

Продрав глаза, я вижу под балконом
Знакомую, замызганную спину.
Он явно занят чем-то незаконным,
Но и таким люблю его, скотину.

* * *

Взбесилась ведьма злая...

Пешеходы разносят заразу,
Руки в карманах греешь.
Апрель чудовищна, но и прекрасна,
Как Тильда Суинтон или Белла Лестрейндж.
Это, Овидий, тебе не Европа.
Не Европа вообще.
Но лезет трава из земли, как из гроба,
Для холода и приключений.
Снег? Чо, правда? Слаба и нежна,
И этим неотразима,
Она не борется, нет, она
Не замечает зиму.
И, не получая на грубость ответа,
Как ещё быть, не зная,
Ведьма сливается незаметно.
До скорого, милая, злая.

Одни из них шли за звездой,
 сделанной специально на этот случай
(Как считают Ориген и Евсевий),
Другие — за ангелом в виде звезды
(Как думает святой Иоанн Златоуст),
Третьи же — за метеором
(По мнению святителя Филарета).
Но никто из них не заблудился,
Все пришли, куда нужно.

Одни торопились к 25 декабря
по григорианскому календарю,
Другие рассчитывали прибыть тоже к 25,
но уже по юлианскому.
Но и те и другие успели вовремя:
Как раз на ночную службу
С ёлками и волками.

90

* * *

Они пошли неведомо куда,
Ведь что такое в сущности звезда?
Никто не в курсе,

Хотя и изощряются отцы,
Переплетая кольца и концы
в восточном вкусе.

Они... но что о них известно нам?
Предание доносит имена,
Но эти песни

Оставим детям. Говорят, «волхвы»,
Но мы не знаем, кто они, увы.
Тем интересней.

Итак (да, я зануда из зануд),
Невесть за чем незнамо кто идут
И что с того нам?

А то, что вдруг и правда можно так
Пойти за символом и выйти через мрак
К просвету в оном.

Апокриф

Был и четвёртый волхв, но он заблудился —
Метель разметала слуг, не выдержал конь.
Но седока смерть миновала — он научился
Выживать в пустыне, добывать еду и огонь.

Его бы никто не узнал — он оброс, завшивел,
Музыку родного сладостного языка
Напрочь забыл. Аборигены ватник пошили
Странному старцу — он стал похожим на старика.

И вот, когда уже зима показалась вечной
(Страшно привыкнуть к такому, а он привык),
Треснуло небо, в сугробах открылись течи,
Скинули шубы оставшиеся в живых.

Кто я, куда мне теперь? Тот же, туда же,
И сразу вышел. Весёлая рыжая грязь
Хватала за ноги, но он шёл дальше,
Сначала плача от яркого света, потом смеясь.

...

До сих пор кочевники рассказывают о нём туристам.
Историки ржут, отзываются нехорошо
Об этих баснях официальные лица
На его бывшей родине, но, я думаю, он дошёл.

Лазарь

Помоги мне помочь тебе встать
Отзовись говорит Господь
Я не слышу его отсюда

Говорят что я был живым
Говорят мы дружили с Ним
Говорят над моей могилой

Я лежу как дитя во тьме
И прокручиваю в уме
Все возможные варианты

Как мне быть чтоб меня слышали
Как мне быть чтобы я слышал
Как меня Он сверху зовёт

Может быть нужно место потише
Может надо залезть повыше
Может быть надо вырастить уши
Может надо вести себя лучше
Или хуже наоборот

Или это и есть Его голос
Эта тьма этот вдох и выдох

* * *

Не жизнь — урок в электронном виде,
Кого угодно достанет это.
Полгода тут ни зима ни лето
И никого не пускают выйти.
Апрель до блеска локтями вытерт,
По всем приметам вот-вот экзамен.
«А Лазарь выйдет? А Лазарь выйдет?» —
Кричат синицы, но мы не знаем.

И небо ниже, и лето ближе,
Дешевле евро, имбирь дороже.
А Лазарь выйдет? А Лазарь вышел.
И мы за ним, вероятно, тоже.

* * *

1

Апостолы, собираясь на вечерю,
Строили планы на «после Пасхи»:
Жизнь-то налаживается,
Вот и Иерусалим уже наш,
То ли ещё теперь будет!

2

Рабочий день — от Тайной вечери до распятия.
Крепкий сон — от распятия до погребения.
Организм, закалённый многолетней привычкой
к посту,
Легко переносит чужую смерть.

3

В Москве Христос ещё причащает учеников,
А в Омске Его уже предадут поцелуем,
В Якутске в это время петел возгласи,
Во Владивостоке распинают
(Господи, не вмени им!),
В Петропавловске-Камчатском —
полночь по всей земле...

* * *

В апреле Христос забирает своё
Запросто, по пути.
У Иштар — кто теперь помнит её? —
Яйца и кроликов, у ада — всех, кто хочет уйти.
У смерти — жало, само собой.
И кто ты теперь, беззубая? Жалость и смех.
В каждом храме на Пасху ребёнок любой
Кричит «Ваистину!!!» громче всех.

Христос анэсти, что отвечать простецам
Без греческого? Ничего...
Не плачь, апрель, ты знаешь и сам,
Что ты тоже Его.

Из цикла «Стихи из больницы»

* * *

Всякая сволочь для Бога ценна.
И сатана? — Что же, и сатана.
Ты не суди её строго —
Тяжко идти против Бога.

Глянешь поближе на злого врага —
Шерсть поистерлась, облезли рога.
Где уж рулить тебе бездной,
Кровь бы проверил, болезный.

Утром в больнице одни сатаны
Общею очередью сплочены.
Вот вам осмотр ректальный,
Вот вам диагноз фатальный.

* * *

Кто скачет декабрьскою ночью на свет,
У каждого сумка, а то и пакет.
К младенцам с дарами, но нет, не волхвы —
Родители в подмосковку из Москвы,
Детей навестить в хирургии.
Мол, скоро домой, дорогие.
Мой корпус напротив, и после семи
Смотрю, как слетаются члены семьи
На свет в отделении ХЦКБ.
Ну да, эти звёзды — такие себе,
Ну да, не волхвы, но с дарами!
В оконной изысканной раме.

* * *

Дышал-дышал, а больше нет,
И как нам быть теперь?
Кричать дежурному ли, мед-
сестре ли через дверь?
Такое дело никого
Не удивляет тут:
В каталке вывезут его,
Другого привезут.
И тут есть тайна. Я пока
Не знаю, в чём она,
Но тайна быть наверняка,
Наверняка должна.
Простыл протёртый хлоркой след,
Дышал-дышал и вжух.
Ну как это — вдруг был и нет,
Как будто свет потух?

* * *

1

Я вот что вам сказать хочу:
Я не люблю ходить к врачу.
Сидишь в унылом коридоре,
Впадающем в мemento мори,
И думаешь: «И ты, брут, тело,
Меня подставить захотело».
А тело говорит: «Осёл,
Ты сам меня сюда завёл».
А тело говорит: «Молчи,
Пока не сцапали врачи.
И потихонечку пойдём,
Авось там как-нибудь потом».

Влупил апрель прямой наводкой,
И в парке тополь задрожал,
Как руки-ноги у того, кто
Из поликлиники сбежал.
А воздух синий, как бахилы,
В которых до метро идёт он.
А в детстве был довольно милым,
А вырос полным идиотом.

Из цикла «Деревня»

* * *

Один в лицо увидел ночь.

А. Фет

Я на шоссе Москва-Касимов
Пописать ночью вышел в лес.
А после, голову закинув,
Увидел небо прямо здесь.

Оно вплотную наклонилось,
Касаясь веток и волос.
В лицо дышало, шевелилось,
Как пробудившийся колосс.

Скуля, тряслись автомобили,
И было долго до утра.
Докуривая, выходили
Из-за деревьев шофёра.

Спала в автобусе бабуля,
Копался хипстер в бороде,
И это всё неслось, как пуля,
Неведомо куда и где.

* * *

Когда лещу распарывают брюхо,
Он удивлённо произносит «о».
«Не для того...», — он размышляет глухо,
Но тут же понимает: для того.

И рыбину уже не обижает,
Что плоть её за ужином ням-ням
Приехавший на дачу горожанин
Припасть, что называется, к корням.

Ведь больше лещ не радужное тело,
В песке метавшееся трепеща,
А то, что, крылышкуя, улетело
И влилось во Всеобщего Леща.

Для всех его теперешних соседок
По зодиаку вся земля — с пятак
Размером. Это не совсем так,
Но рыбам сверху это видно так.

Чудовища сии стозевны, облы,
Взирающие из-за облаков,
Нисколько не напоминают воблу —
Скорей неторопливых рыбаков.

И человек, очнувшийся на камне
Среди ночной пугающей реки,
Качнёт для равновесия руками —
А тень от рук его как плавники.

* * *

Земляника в крапиве, земляника в крапиве
и под крышей соседского дома — стрижи.
Отложи-ка смартфон, тут не ходит 3G.
Ничего не читай, ничего не пиши,
И, конечно же, истина в пиве.

Дух дневного безделья нисходит на воду,
А вода крутит петли — на север, на юг.
И баржи не слышать в это лето — по ходу,
Навигации окской приходит каюк.

Горожанин в июле, горожанин в июле,
Запасти витаминов/загара слегка
Он хотел, но погоды его обманули,
И мгновенья, как в песне, свистят у виска:

Вроде только приехал, а уж завтра суббота.
Пару дней — и на выход с серьёзным лицом.
Но пока я богат, как Том Сойер, и вот он,
Мой комар на коленке и ёж под крыльцом.

Песенка, простая, как три копейки

Я вовсе не сентиментален,
Но если приглядишься ты,
Тут прожжена любовью дырка,
Как от соляной кислоты.

И если кто-то из любимых
Не рядом или что не так,
Тогда через неё до сердца
Просачивается сквозняк.

Ещё я ей пою тихонько —
Ты знаешь, так себе пою.
И ветер входит и выходит
Сквозь эту скважину мою.

И если кажется снаружи,
Что я грущу — я не грущу.
Я просто — как у Юнны Мориц
Тот ёжик — дырочкой свищу.

Письмо счастья

Пошли этот вечер десятку знакомых,
Оттиск его в приблизительных строчках,
Слепой отпечаток в кириллице рыхлой,
И будет тебе всю неделю удача.

Отправь эту жизнь четырём невиновным —
Суету и невнятицу, радости разные,
Болячек наследственных горсть и вины.
И будет им счастье, хотя и нечасто.

Сам влезь в бутылку и кинь себя в море
Времени, мыслей, автобусов, денег,
Странных людей и прекрасных людей...
Счастья тебе? Да ведь есть уже счастье.

Прочти это всё и забудь, и иди куда хочешь.

Своими словами

Литераторы постарше помнят искушение постмодернизма — сказать своё чужими словами. Как злоумышленник вырезает буквы из газеты, чтобы не показать миру свой почерк. Злоумышленник героически обезврежен; постмодернизм отмер сам собой, неявочным порядком. А при чём тут Александр Правиков? А вот при чём — ему удалось сказать всё то же, что и примерно всем, но совершенно своими словами.

(Под тем же, что примерно всем, я понимаю, что в Петербурге 1860-х гг. нельзя было бить старушек по голове топором — и сейчас нельзя.)

За этими стихотворениями встаёт то, что ещё четверть века назад называлось «неяркая прелесть средней полосы». Это общими словами, а своими — см. у Правикова. Ещё одна ассоциация — ты смотришь вроде бы чёрно-белое кино — сумерки, околица — и постепенно, по клочкам оттенков, понимаешь, что плёнка (или цифра) вполне цветная, это реальность практически чёрно-белая. Тепло и стильно.

Моя бы воля, я бы назвал эту книгу «Своими словами», а эпиграфом к ней не поставил бы, но держал в уме знаменитые слова Мюнхгаузена с лицом Олега Янковского:

— Если бы вырос сад, я сказал бы «сад». А выросло дерево — зачем же мне врать?

Не поставил (бы), потому что он подошёл бы к нескольким книгам моих любимых современных и классических поэтов. Но мало кто выдержал этот принцип дерева так совершенно, как Александр. Ему удалось диагностировать самые разнообразные деревья, но он ни разу не обобщил их до сада,

потому что не верит в обобщение как таковое.

Вот правиковский Пушкин. Правда, на том свете — но с кем не случается:

То сиганёт через стол, то сбежит в окно
К этим, из Нового Света, послушать песни,
То загрустит, подумав о прошлом, но
Редко, ибо грядущее интересней.

Грядущее интересней — довольно жёсткое высказывание для поэта-позитивиста, не выходящего за рамки опыта (временами культурного). Я понимаю это так: одна из составляющих опыта есть опыт вглядывания в перспективу будущего, только без самообмана.

Наше положение — во времени или в вечности — спорно и скорее печально. Правиков исправно наливает нам чашки этой печали. Однако же откуда-то возникает юмор. Это как хорошая хозяйка добавляет щепотку соли даже в сладкую кашу.

У некоторых больших поэтов (Заболоцкий, Тарковский, Г. Иванов и др.) есть свойство полноты: пока ты находишься внутри их поэзии, ничего больше не надо. Так можно постепенно сказать всё. Впрочем, Правиков, вооружённый миллионом своих слов, не принуждённо вступает в диалог с классиками и современниками. Вот он потянул за руку князя Вяземского — а тот свободной рукой нащупал кисть Льва Лосева. Или так.

Александр Правиков:

Откуда бы взяться победе добра из битвы бобра и козла? Тот сер, тот коричневый: сказка стара, надежда не то что мала, её просто нет, но мы сделаем вид из гордости, из ничего. Не может быть так, что добро победит, и всё-таки я за него.

Георгий Иванов:

Я верю не в непобедимость зла,
А только в неизбежность поражения.

Правиков:

Вот облако, а вот конец зимы.

Заболоцкий:

Зимы холодное и ясное начало
Сегодня в дверь мою три раза простучало.

Правиков:

Земляника в крапиве, земляника в крапиве

... (догадайтесь сами).

Хорошо. А в какие отношения вступает автор не с литературой, а с миром? С живой, так сказать, жизнью? Я бы ответил так: автор — зритель, он тот самый, кто остался в лавке, потому что есть дела поважнее буйного пира и не менее буйного побоища. Автор проверяет показания датчиков, которые изменяются раз в сто лет. То же... то же... то же, что и вчера...

Впрочем, из потрясающе цельного корпуса стихов Александра Правикова можно вытащить и что-то вроде профессиональной ценностной шкалы поэта.

Для начала:

*То, что творится в кинозале и вокруг, важнее
того, что творится на экране.*

*Если поэт понимает, что пишет не о самом главном,
он идёт к неудаче.*

Чем ближе к десятке, тем ближе пуля к пуле...

Из этой книги можно вытащить очень много неожиданно верного — от нестандартно повёрнутых общих мест до парадоксов. Иногда это одно и то же. А закончим мы чемпионским переводом стрелок. Помните — из Елены Молоховец — если в доме ничего нет, спуститесь в погреб, возьмите телячью ногу? А вот что делать, если уже 10 минут, как пропала надежда:

Ангелы шепчут: «Хочешь, мы сделаем тут прополку?
Всё равно от них никакого толку
И уже терпения нет».
Он смотрит печально и шепчет: «Ещё немного,
Они сумеют...» Звучит как бред,
Но кто я такой, чтобы спорить с Богом.

Золотые слова.

Леонид Костюков

Содержание

Предисловие Анны Логвиновой 5

Бульдог судьбы

«Если мир похож на большую рану...»	11
«И отчего бы я к вечеру так устал?..»	12
«Держи своё спокойствие, держи...»	13
«Зима заносит, будто извиняясь...»	14
«Набери в Яндексe “День рождения Слуцкого”...»	15
Баллада о хрени	16
«Но как же мало в Новгороде Грека!..»	17
«Конечно, Пушкин не умер — он там, где Джон...»	18
«Князь Пётр стар и, кутаясь в халат...»	19
«Откуда бы взяться победе добра из битвы бобра и козла?..»	20
«Не то, что мнили мы, реальность...»	21
«Зима суровая, высокая...»	22
«Каждый видел в кино такое...»	23
«Боже мой Боже как это может...»	24
«Мне кажется, самое трудное в христианстве...»	25
«Ходили два товарища в один и тот приход...»	26
«Дайте море Мандельштаму...»	27
«Я не знаю, кто Ты и где Ты...»	28
«Что если воздух наш — не воздух...»	29
«Для этих я трусливый пацифист...»	30
«Практически в каждой сваре...»	31
«Повторяй себе чаще, что это Содом...»	32
«Когда твои братья друг друга умело...»	33
«Тут какой-то фокус, какой-то подвох...»	34
«Нет никаких счастливых концов...»	36
«Мне снилось много раз — ты вернулся...»	37
«Весёлым идиотам не до секса...»	38
«К чему говорить о серьёзном?..»	39
«Тут война, а тут красиво. Это снег, а это смерть...»	40
«Хочу быть китайцем в китайском квартале...»	41
«мне под руку не говорите...»	42
«Как блестяще доказал эксперимент...»	43
Песня о полной жопе	44
«Приглашает мальчик...»	45

Новый Арион	46
«Зима такая, какой ещё не было...»	47
«Свой садик на хребте дракона...»	48
«И вот с тебя сдирают плёнку...»	49
«Креативный умирайтер...»	50
«Сантехники с никами Саша и Дима...»	52
«Вот сыр, а вот рецина...»	53
«Она расстёгивает пальто...»	54
Патерсон	55
«Вот выйдет новый фильм Уэса Андерсона...»	56
«Вы не вдумывайтесь лучше...»	57
«Редактор, помни твёрдо — всё пройдёт...»	58
«Здесь пропадают незаметно...»	59
«У короля было три сына...»	60
«На моём балконе, на балконном окне...»	61
«Заведомо проигранная битва...»	62
«Миллиарды последних людей на земле...»	63
«В ту зиму ожидался снег...»	64
«Приунить по серьёзным причинам...»	65
«Чем думать о вечном или настоящем...»	66
«Тихой Балтики дождь...»	67
Массандровские куплеты	68
«Чем пахнут тополя? Прорывом...»	69
«Мой папа до холодов купался в Строгинской пойме...»	70
«Папа и мама. Советское детство...»	71
«Что ли приплыли? Идёт по кисельному берегу...»	72
«Я прочитал сегодня много разного...»	73
«Ползёт паучок из коробки с брусничкой...»	74
«Если даже ты случайно...»	75
«там жёлтого чего-то...»	76
1 сентября	77
«С каждым утром всё внезапнее...»	78
«А если жизнь — огромный лес...»	79
«В слова играет голова...»	80
«Когда меня со света белого...»	82
«В окнах и на улицах горит...»	83
«Во время дождичка в четверг...»	84
«Когда с утра на тротуарах...»	85
«Замкадные мышки-норушки...»	86
«Когда по улице впотьмах...»	87
«Кот март линяет на глазах — был как бы белым...»	88

«Пешеходы разносят заразу...»	89
«Одни из них шли за звездой, сделанной специально...»	90
«Они пошли неведомо куда...»	91
Апокриф	92
Лазарь	93
«Не жизнь — урок в электронном виде...»	94
«Апостолы, собираясь на вечерю...»	95
«В апреле Христос забирает своё...»	96
Из цикла «Стихи из больницы»	
- «Всякая сволочь для Бога ценна...»	97
- «Кто скачет декабрьскою ночью на свет...»	97
- «Дышал-дышал, а больше нет...»	98
- «Я вот что вам сказать хочу...»	98
Из цикла «Деревня»	
- «Я на шоссе Москва-Касимов...»	100
- «Когда лещу распарывают брюхо...»	100
- «Земляника в крапиве, земляника в крапиве...»	101
Песенка, простая, как три копейки	103
Письмо счастья	104

Своими словами. *Послесловие Леонида Костюкова* 106

«Синяя гора» — издательство
бумажных и электронных книг,
основанное поэтами
Андреем Фаицким
и Клементиной Ширшовой
в 2023 году.

К выходу готовятся книги

в серии «Вино»:

Михаил Гундарин. **Непоправимый день**

в серии «Искусство»:

Андрей Баранов. **Между прошлым**
Андрей Фаицкий. **Руины башни из слоновой кости**
Клементина Ширшова. **Страшный человек**

в серии «Спасибо»:

Михаил Видмук. **Какие, к чёрту, волки?!**
Сергей Ивкин. **25**
Феликс Чечик. **Четвертак**

в серии «Эхо»:

Владимир Був, Михаил Гундарин. **Эхо**
Владимир Був, Виталий Пуханов. **Дым**

Вышли книги:

Изольда Баумгертнер, Ральф Ерлинг. **Вдвоём**
Дмитрий Зиновьев. **Бозон Хиггса**
Константин Матросов. **Мы и камни**
Александр Правиков. **Чужие мои стихи**
Елена Севрюгина. **О стихах и стихиях**
Елена Севрюгина. **Раздетый свет**
Роман Смирнов. **Фрагмент облака**
Клементина Ширшова. **Тёмные материи**

Правиков Александр Анатольевич
БУЛЬДОГ СУДЬБЫ

Издатели: Андрей Фамицкий,
Клементина Ширшова
Корректор: Егор Жерябкин
Дизайнер: Екатерина Мурашова

Подписано в печать 30.01.2024.
Формат 135 x 218 мм.
Гарнитура ITC New Baskerville.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
114 с. Тираж 200 экз.

В оформлении обложки
использован фрагмент картины
Елизаветы Правиковой
«Внутри маяка Анива».

Издательство «Синяя гора»
Тел.: +7 (915) 184-44-28
+7 (919) 997-07-22
www.goraizdat.ru

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в типографии «Буки-Веди»
115093, г. Москва, Партийный
переулок, д. 1, корп. 58
www.bukivedi.com

ISBN 978-5-4465-4026-6

9 785446 540266 >